

СОЦИАЛЬНОЕ — пакетное понятие, пространство адекватных интерпретаций которого: 1) соотносится по объему с содержательной и функциональной "нагруженностью" терминов "история", "культура" и т.п.; 2) относимо к предметностям классической и неклассической социологии; 3) отражает взаимообусловленность индивидуального ("атомарного", "ядерного") бытия людей, с одной стороны, и над-индивидуальных структур социальной статики и социальной динамики, с другой. Неразрывное единство фрагментированных единиц человеческого бытия и коллективных форм их существования /читай: совместное, коллективистское по форме воспроизводство дискретной социальной реальности — А.Г./ конституирует амбивалентность социально-гуманитарного познания. В границах последнего различимы познание С. (анализ общественных структур и закономерностей различной степени общности, т.е. опосредованно-общественного) и гуманитарное познание (конкретно-индивидуальное описание феноменов социальной жизни, т.е. непосредственно-личного). В классических своих трактовках С. выступало в качестве структуры: а) внешней для индивидов, б) противостоящей им (как коллективистское начало), в) центрированной на репертуары "стягивающего" взаимодействия людей. Кардинальная историческая трансформация базовых форм С. была зафиксирована посредством ряда совпадающих финальных характеристик в различных языках социальных описаний 20 ст. (постмодернистская философия, интеракционизм, теории коммуникативного действия, социальная феноменология и т.д.). Так, одна из наиболее разработанных в современной философии концепций природы С. была изложена в книге Бодрийяра "В тени молчаливого большинства, или конец социального" (1982).

По мысли Бодрийяра, "все хаотическое скопление социального вращается ... вокруг масс", обладающих таким свойством, что "все электричество социального и политического они поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще".

Бодрийяр констатирует, что "призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального". Масса суть явление, все и вся вбирающее в себя, не осваиваемое, по-видимому, никакой практикой и никакой теорией.

Массы способны выступить "главным действующим лицом истории", обретая слово и переставая быть "молчаливым большинством". Но собственной истории, достойной описания, они не имеют: по Бодрийяру, их сила является неизменно актуальной. С. суть полная противоположность социологического, тщетно пытающегося

отобразить это «рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление»; Масса, согласно Бодрийяру, обладает свойством «радикальной неопределенности», она не имеет какой-либо социологической «реальности», она «выступает неразличимостью нейтрального, т.е. ни того, ни другого». В массе невозможно отчуждение, ибо здесь не существуют ни один, ни другой /выделено Бодрийяром — А.Г./.. Массы не приняли, полагает Бодрийяр, саму Идею Божественного: трансцендентность и связанные с ней напряженное ожидание, отсроченность, терпение, аскезу они не признают.

Единственный религиозный опыт масс есть «переживание чудес и представлений». Массы предельно деформируют всевозможные схемы разума, они не отражают С., они не отражаются в нем — «зеркало социального разбивается от столкновения с ними», они не оказывают какого-либо активного сопротивления, а выступают в качестве все-и-вся-деформирующей «гигантской черной дыры».

Информация, призванная удерживать массы в поле смысла, апеллирует к тяготению последних к зрелищности: рациональная коммуникация и массы, по Бодрийяру, несовместимы. Массы противопоставляют собственный отказ от смысла и жажду зрелищ диктату здравомыслия, все артикулированные дискурсы поглощаются их переводом в плоскость иррационального. Бодрийяр отмечает, что «после многочисленных революций, и сто- или даже двухсотлетнего обучения масс политике ... только лишь тысяча человек готова к действию, тогда как двадцать миллионов остаются пассивными».

Безразличие масс относится к их сущности, это их единственная практика; приписывание им «желания подавления и порабощения» (чего-то вроде «повседневного микрофашизма») суть, согласно Бодрийяру, «последняя попытка привязать массы к смыслопроизводству». Политика начиналась (во времена Макиавелли) как «чистая игра знаков, чистая стратегия», свободно обращавшаяся с целями. С 18 в., с Великой французской революции, политика отдает себя во власть Разуму: «политическая сцена» уже не пространство ренессансного механического театра, она отсылает к фундаментальному означаемому — народу, воле населения и т.д. На политической сцене захватывают господство не знаки, но смыслы. Сфера политического уравнивает силы, в ней отражающиеся: социальные, экономические, исторические.

Конец политики, пишет Бодрийяр, наступает с возникновением марксизма: «начинается эра полной гегемонии социального и экономического, и политическому остается быть лишь зеркалом — отражением социального в областях законодательства, институциональности и исполнительной власти». Согласно идеологам революционизма, придет время, когда «политическое исчезнет, растворится в полностью прозрачном социальном». Как полагает Бодрийяр, С. овладело

политическим, оно /С. — А.Г./ стало всеобщим и всепоглощающим. Но...
"Утверждается нечто, в чем рассеивается не только политическое — его участь постигает и само социальное. У социального больше нет имени.

Вперед выступает анонимность. Масса. Массы". Результат таков: исчезает социальное означаемое — рассеивается и зависимое от него политическое означаемое.

Единственный оставшийся референт — референт "молчаливого большинства", референт мнимый, не могущий иметь какой бы то ни было репрезентации. Массы перманентно тестируют и зондируют (преимущественно посредством так называемых СМИ): "политический референт уступил место референдуму" (Бодрийяр). Это уже симуляция, а не репрезентация.

Данные социологической статистики — это лишь параметр, аналогичный спектру звездного излучения: это симуляция в принципе невыразимого С. (С механизмами классической социальности — выборы, подавление, инстанции репрезентации и подавления — дело обстоит иначе: "здесь все еще в силе диалектическая структура, поддерживающая ставки политики и различные противоречия".) Тем не менее "молчание" масс, по Бодрийяру, "накладывает запрет на то, чтобы о нем говорили от его имени".

Массы более не субъект истории, они не могут войти в сферу артикулированной речи, "они уже не могут оказаться отстраненными от самих себя"; /читай: отрефлексировать самих себя — А.Г./ ни в каком языке. Если ранее власть подспудно приветствовала эту ситуацию, то сейчас это становится опасным: безразличие масс предвещает крах власти. "Молчание масс" становится главной проблемой современности. Массам не нужен смысл: если в эпоху революций радикалы продуцировали смыслы, не успевая удовлетворять спрос на них, то сейчас "производство спроса на смысл" оказывается главной проблемой.

Масса не может быть субъектом, ибо не в состоянии выступать носителем автономного сознания. А поскольку она не поддается информационной обработке и не может быть понята в терминах элементов, отношений и структур, масса не способна трактоваться и как объект. Что, согласно Бодрийяру, особо значимо: очевидный и все более распространенный "уход масс в область частной жизни — это ... непосредственный вызов политическому, форма активного сопротивления политической манипуляции". Полюсом жизни оказывается уже не историческое и политическое с их абстрактной событийностью, а обыденная, приватная жизнь.

Такое положение вещей отражает важнейшую тенденцию: сопротивление социальности прогрессировало значительно интенсивнее, нежели она сама. В концепции «двухуровневой коммуникации»; это отображается так: господствующим культурным кодам индивиды вначале противопоставляют собственные субкоды, отнюдь не совпадающие с первыми.

В дальнейшем же любая входящая информация циркулирует в рамках циклов, определяемых отнюдь не властью. Несмотря на любые амбиции СМИ, отмечает Бодрийяр, «масса — медиум гораздо более мощный, чем все средства массовой информации, вместе взятые»: «mass(age) is message» / «масс(-а, -ирование) есть сообщение» (англ.) — А.Г./ По мысли Бодрийяра, феномен современного терроризма объясняется реакцией на терроризм С: поведение массы и терроризм «объединяет самое радикальное, самое решительное отрицание любой репрезентативной системы».

Первое не порождает второе, масса и терроризм всего лишь и именно сосуществуют. Экспансия культур западного типа, протекавшая как замедленный взрыв, уже не может контролироваться социальным: треугольник «масса — СМИ — терроризм»; суть пространство катастрофы современной цивилизации. По мысли Бодрийяра, «так называемые социальные науки были призваны закрепить впечатление, что социальность вечна. Но сегодня от него надо освободиться». Как пишет автор, «в своей основе вещи никогда не функционировали социально — они приходили лишь в символическое, магическое, иррациональное и т.п. движения.

Капитал есть вызов обществу»; Машина истины, рациональности и продуктивности есть прежде всего насилие, состоящее в том, что С. направлено против самого С. Бодрийяр завершает анализ констатацией того, что относительно С. возможно несколько гипотез. 1. С., по сути дела, никогда не существовало. Имела место лишь его симуляция, сменившаяся сегодня катастрофической десимуляцией. 2. Социальность все же существовала и существует, более того, она постоянно нарастает. С. может трактоваться как всевозрастающий остаток прогрессивного развития человечества, аккумуляция смерти. В остаток превращается вся ставшая целостной социальная система.

По Бодрийяру, у С. две обязанности: производить остаток (любой: демографический, экономический или лингвистический) и тут же его уничтожить (ликвидировать, акцентированно бесполезно потреблять: например, организацией полетов на Луну и т.п.). «Социальное занято тем, что устраняет всякий прирост богатства.

Если бы дополнительное богатство было пущено в процесс перераспределения, это

неизбежно разрушило бы социальный порядок и создало недопустимую ситуацию утопии". Если бы между индивидами оказалось распределено все свободное богатство, которым располагает общество, они утратили бы потребность просчитывать свои действия, они потеряли бы ориентацию и чувство умеренности и бережливости. Как пишет Бодрийяр, "социальное создает ту нехватку богатства, которая необходима для различения добра и зла, в которой нуждается любая мораль".

Или иными словами, "ум социального — это и есть глупость в пределах потребительной стоимости". Общество спасается именно дурным использованием богатств. Мы имеем дело, по Бодрийяру, с "поглощением социального ухудшенной политической экономией — просто-напросто управлением" (в опровержение Маркса, мечтавшего о "поглощении экономического улучшенным социальным"). З. С., безусловно, существовало, но сейчас его больше нет. Рациональная универсальная социальность общественного договора уступает место социальности контакта, множества временных связей. Но можно ли тогда по-прежнему говорить о социуме?

Свою книгу Бодрийяр завершает так: "Пусть, однако, ностальгии по социальности предаются приверженцы удивительной по своей наивности социальной и социалистической мысли. Это они умудрились объявить универсальной и возвести в ранг идеала прозрачности столь неясную и противоречивую, более того, остаточную и воображаемую, и более того, упраздняемую своей собственной симуляцией "реальность", какой является социальное".

А.А. Грицанов